

И.Е. Репин. Пушкин на берегу Невы. 1897–1924. Холст, масло. 217х130,5. Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты». Санкт-Петербург

Вынесенные в заглавие статьи слова И.Е. Репина сказаны 100 лет назад. Сегодня они актуальны отчасти — на юбилейной выставке в Москве экспонируются одно произведение художника — «Пушкин на экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года». Другое — «Пушкин на берегу Невы» осталось в месте постоянной прописки. Тем интереснее обратиться к книге «Репин в “Пенатах”» замечательного исследователя Е.В. Кириллиной (1936–2016), возглавлявшей долгие годы научную деятельность Музея-усадьбы «Пенаты». Читатель узнает о мотивах работы над образом, страстной увлеченности темой, разноголосой прессе и реакции художника на «шум толпы». Выражаем благодарность сотрудникам музея Л.И. Андрущенко и Т.П. Бородиной за помощь в подборе иллюстраций, отражающих этапы создания картины «Пушкин на берегу Невы».

«ЕДУТ ТУДА МОИ ОБА ПУШКИНЫ. ЧТО-ТО БУДЕТ?»

Елена Кириллина

В 1910 году Репин совершенно неожиданно для себя стал работать над картиной, о которой перед этим и не помышлял, — «Пушкин на лицейском экзамене». В феврале 1910 года художник получил официальное письмо, содержавшее выписку из постановления комитета Пушкинского Лицейского общества, которое хотело бы отметить столетие Лицея заказом картины, где был бы изображен Пушкин, читающий Державину свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Постановление заключалось словами: «...просить И.Е. Репина принять на себя труд написать картину, не стесняясь выбором способа ее воспроизведения (масляные краски, акварель, карандаш или др.), числом лиц, портреты которых будут воспроизведены, и даже размерами картины... Поручить почетному члену и секретарю Общества Павлу Евгеньевичу Рейнбот лично переговорить по этому предмету с И.Е. Репиным».

Вскоре Рейнбот благодарил Репина за выраженное им согласие написать картину и прислал художнику подробное письмо со списком лиц, присутствовавших на экзамене в лицее 8 января 1815 года, а также с высказываниями самого Пушкина и Пущина об этом дне.

<...> Уже 20 марта Репин писал ему: «Многоуважаемый Павел Евгеньевич! 1) У меня нет мундира лицеиста, с петлицами на воротнике... Были ли петлицы на обшлагах? Петлицы серебр. — а пуговицы? — золотые? Мне надо теперь знать правду. А хорошо бы изобразить в белых панталонах и ботфортах? А форма ботфорт есть? Дайте, дайте!» И так далее, и так далее... всего 17 пунктов. Рейнбот терпеливо и обстоятельно отвечал на все вопросы, консультируясь со знающими людьми, приводя архивные и книжные выписки, посылая Репину необходимые изобразительные материалы. Одно время в «Пенатах» «гостил» даже лицейский стул!

Но усилия не пропали даром. Репин был так окрылен и вдохновлен заказом, что за короткий срок сумел многое сделать и сообщил 9 апреля: «<...> Я благодарю бога и судьбу за этот дивный сюжет. Я лично никогда не взял бы его для картины; а — какая выходит картина...»

Еще никогда Репин не говорил о своих работах так хорошо. Обычно его отзывы были уничижительными. Но теперь произошло что-то невероятное, и объяснить это можно взволнованной увлеченностью Репина. Он однажды писал своей ученице, что «в то время, когда художник запечатлевает на полотне свой экстаз, он так полон своим настроением, что всякий штрих его освещается особым миром воображения и имеет несравненную силу выражения достигаемого (для проникнутого своей идеей)... Пройдет этот подъем духа; человек будничным, ординарным взглядом посмотрит холодно. И... дастся диву: где же все это?! А между тем *то было!* И всякой душе, способной подниматься до вдохновения, то будет понятно. В счастливый момент духовной жизни зритель испытает то же счастье, какое испытывал автор!..»

Подъем духа и настроение не проходили, и Репин работал над картиной весь март, апрель, май, июнь. Писал картину он уже на огромном холсте, а фигуры расположил так, что зрителя как будто приглашали быть участником торжества. Изображенные Репиным исторические персонажи были взяты крупным планом, так что все внимание сосредотачивалось на лицах, а многие фигуры были частично срезаны краем холста. Даже левая нога Пушкина не умещалась на полотне.

И.Е. Репин. А.С. Пушкин в Лицее. Холст, масло. 200х398.
Галерея Пражского града. Чехия. © Prague Castle Administration. Фотограф Jan Gloc

Когда Репина посетили члены Лицейского общества, они, видимо, были «оглушены» столь непосредственной интерпретацией знаменитого исторического факта, потому что просили художника несколько «отодвинуть» фигуру Пушкина в глубину лицейского зала и сделать картину более «обстановочной», отдав большее место и для самого зала. <...> На новом холсте все было по-другому, и уже 3 октября 1910 года Репин подробно описывал его Рейнботу: «Наконец, после строгого обдумывания, сообразив все наши обстоятельства, с Вашего разрешения, – я приступил к новому лицейскому холсту о Пушкине. ...Композиция картины... гораздо полнее и значительнее большой картины. Зал лицея выходит весь, с потолком, люстрой и ясной постановкой колонн, окон... Пушкин стоит по самой середине залы; и весь, и удален даже от зрителя на приятную дистанцию».

Помимо лицейского заказа Репина снова стал занимать еще один старый холст, работа над которым ему когда-то не удалась. Картина называлась «Пушкин на Неве» или «Пушкин на набережной Невы, 1835 г.». Репин начал ее в 1897 году, когда, по его собственному выражению, «воспылал написать» портрет А.С. Пушкина – «в натур(альную) величину всю фигуру, хотя бы декоративно, к празднованию его памяти (столетию со дня рождения. – Е.К.)». Но дух поэта, как говорил Репин, не покровительствовал ему. Не так просто оказалось справиться с задачей изображения этого «гения, вылитого из стали». <...>

Он решил изобразить Пушкина – создателя «Медного всадника», Пушкина, которого скоро погубит любимый им и ненавистный ему Петербург. В образе поэта, каким задумал воссоздать его Репин, должны были соединиться по крайней мере два настроения: одно – «Люблю тебя, Петра творенье...» и другое –

...Я осужден на смерть и позван в суд загробный
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.

Репин осветил Пушкина закатным солнцем, изобразив его фигуру на набережной Невы, возле львов у Адмиралтейства, на фоне Петропавловской крепости. Картина все-таки появилась на передвижной выставке 1910–1911 годов в Петербурге. Поэт стоял в импозантной позе светского человека, опираясь на трость и держа в руках цилиндр. Эти поза и

И.Е. Репин. Пушкин на экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года. 1911. Холст, масло. 127х201. Всероссийский музей А.С. Пушкина. Санкт-Петербург

костюм были таким контрастом его лицу, его глазам, как будто вопрошающим, а может быть, и предчувствующим уже свою судьбу, что у зрителя сразу возникало ощущение внутреннего неблагополучия этого человека.

Насколько можно судить по тогдашним воспроизведениям картины, она была несомненной удачей Репина, еще раз подтвердившего мастерство тончайшего психолога. Но едва полотно появилось на выставке, начался «суд толпы». <...>

Конечно, Пушкин Репина был «непохож», но не потому, что Репин искажил его черты, а потому, что еще никто и никогда не видел поэта изображенным столь необычным образом. Все уже знали ставшие привычными портреты Пушкина, а эта картина и не была портретом. Перед зрителем стоял человек со своими сомнениями, он смотрел перед собой, а его приоткрытые губы, казалось, готовы были сложиться как в страдальческую гримасу, так и в саркастическую усмешку. И невольно эта изображенная фигура вызывала у окружающих то же восхищение и то же раздражение, какое вызывал в свое время у современников живой Пушкин.

Репина много бранили за эту картину, и он уже почти привык к мысли, что его постигла неудача. Он так редко бывал доволен собой, что и теперь находил в своем полотне множество недостатков. <...>

Взяв картину после выставки, Репин, к великому сожалению, совершенно переписал ее. <...> Репин решил, помимо исполнения заказа к столетию лицея, успеть закончить и «свою» картину, чтобы показать ее на передвижной выставке 1911–1912 годов. Художник начинает волноваться, опасается, что не успеет написать заказную картину к торжествам...

«...А как хорошо выходит фон!!! Сколько в залах лицея солнца, света, нежных – теплых рефлексов... Положительно я себя не узнаю (Даже сам хвалюсь!). Да Ваша картина будет лучше моей большой: все получает смысл, значение и настроение большого государственного праздника».

Однако чем ближе к концу, тем явственнее беспокойство Репина. Он знает, что многие не простят его восторгов, что над ним могут смеяться и высокомерно критиковать. <...>

И.Е. Репин. Портрет Пушкина (с портрета Тропинина). 1913. Холст, масло. 64,5x55. Государственный комплекс «Дворец Конгрессов». Санкт-Петербург

И.Е. Репин. Портрет профессора Н.Ф. Денисюка. Этюд к картине «Пушкин на берегу Невы». 1912. Фанера, масло. 57x46. Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты». Санкт-Петербург

Ноябрь и первая половина декабря проходят у Репина все еще в работе над картинами – и той, и другой. Потом он отсылает «лицейский вариант заказчикам, отправляет Рейнботу некоторые материалы, а сам готовится уехать в Москву и сообщает, что отъезд назначен на 16 декабря. Репин рассчитывает пробыть в Москве до 27-го. За это время должна устроиться и открыться 40-я, юбилейная, выставка передвижников. «Едут туда мои оба Пушкины, – пишет Репин. – Что-то будет?» На выставку ехал и вновь переписанный «Пушкин на набережной Невы».

Видевший Репина в Москве художник М.Ф. Шемякин вспоминал: «<...> Но вот картина вставлена в раму, повешена. Репин ее прорабатывает с большим увлечением. Он буквально бегаёт по залу музея с палитрой и кистями в руках, бегаёт с лёгкостью балерины в свои почти 70 лет.

Казалось, он режиссирует персонажами своей многофигурной композиции, как живыми людьми, заставляя их подчиняться своей кисти».

<...> Картина «Пушкин на лицейском экзамене» имела шумную прессу. Чего только не писали о ней! Одни называли ее возвышенной, другие – пошлой, одни – замечательной, другие – пресловутой, одни – исторической, другие – анекдотичной. Друзья Репина в Москве обменивались мнениями на предмет приобретения картины Третьяковской галереей, находя, что по живописи она превосходна. Впрочем, мнения почти всех рецензентов сходились в том, что Репин вновь показал высокое мастерство выдающегося живописца. Основные претензии критиков содержали главным образом недовольство характеристикой персонажей картины. Одним не нравился Державин – зачем он позволил себе привстать с места и приложить к уху руку. Другим не нравился митрополит Филарет, третьим – Салтыков. Все вместе кричали снова, что Пушкин непохож, что он не мог стоять именно в такой позе с поднятой вверх рукой, что у него слишком светлые волосы и так далее.

Однако упреки не слишком задевали Репина. Художник был доволен картиной, и это придавало ему сил. 20 января он выступил в газете «Биржевые ведомости» с открытым письмом к историку литературы, пушкинисту П. Морозову, в котором отводил самые об-

щие претензии критиков. Репин писал: «<...> И я, несмотря на то, что кроме вашего, получил и раньше еще несколько писем все по тому же прозаическому вопросу, – также остаюсь при своем.

Вот мое: 1) Лицо и вся фигура мальчика-Пушкина на моей картине составляет радость моей жизни. Никогда мне еще не удавалось ни одно лицо так живо, сильно и с таким несомненным сходством, как это – героя-ребенка.

Я имел весь материал о лице Пушкина и совершенно убежден в его полном сходстве в этом возрасте. 2) Поворот Пушкина к публике, почти в конце поэмы... совершенно естественен. Не мог же Пушкин, как солдат на начальство, все время смотреть только на Державина...

Словом, я сделал, что мог.

<...> У меня от этих судов даже чувства обиды нет... <...>

Мне здорово, когда меня разносят профаны; я к нежностям не привык; и отбрасываю даже всякие «примите и пр.»...

Илья Репин».

В 1912 году произошло событие, которое могло показаться странным для тех, кто не очень хорошо знал художника. Репин отказался от премии за свою картину.

На общем заседании 16 марта члены Общества имени А.И. Куинджи... решили присудить Репину первую премию и золотую медаль за картину «Пушкин на лицейском экзамене». Объясняя это решение, один из членов Общества простодушно писал в «Петербургской газете» от 18 марта: «Почти единогласное присуждение премии Репину явилось результатом негодования, охватившего художника по поводу нападок левых кружков на Илью Ефимовича. Декаденты настолько теперь раскричались, до такой степени стараются дискредитировать имя Репина, что мы сочли своей обязанностью дать ему премию, выразив ему свои симпатии».

Эти молодые художники, многие из которых были учениками Репина, исходя из добрых побуждений, совершили на самом деле величайшую бестактность. Имя Репина не нуждалось в подобной «защите», и вскоре все газеты полны были сообщениями об отказе художника от премии и медали. Появилось в печати и письмо самого Репина, в котором он объяснял причины отказа. <...>

И.Е. Репин. Пушкин на берегу Невы. Варианты. Фотографии. Воспр. по: Голубев В.З. Пушкин в изображении Репина. М.-Л., 1936

И.Е. Репин в образе А.С. Пушкина. Фотография. 1910-е гг. Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты». Санкт-Петербург

ника, даже в самом благополучном случае, непроизводительно.

Относительно золотой медали я даже теряю самообладание, — до того кажется мне неуместным этот детский сюрприз. Моя логика не имеет перед этим никчемным, не нашедшим до сих пор разумного применения, вещественным знаком. Пощадите!»

В этом прямом письме выразился весь Репин, с его возвышенными идеалами. В его искренности было подлинное величие художника, его творческая гордость, которые не могли поколебать никакие нападки, равно как и ни одна премия не смогла бы его возвысить, если бы он не был действительно велик.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

В книге Е.В. Кирилиной «Репин в “Пенатах”» (Л., 1977) источники цитирования автором не указаны.

Согласно инвентарным данным Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты», картина, именуемая Е.В. Кирилиной «Пушкин на набережной Невы, 1835 г.», называется «Пушкин на берегу Невы».

...Репин с терпеливостью педагога объяснял, что премии есть меры, которые не способствуют развитию искусства, а лишь принижают его самобытный, духовно-художественный рост, так как если премированная картина остается на руках, например, у молодого художника, то это тяжело видеть. Он писал о том, что лишь тогда художник может быть счастлив реальным успехом своего труда, когда это произведение делается доступным всему образованному миру. И в качестве образца поощрения «реальных успехов» искусства Репин приводил пример П.М. Третьякова, который «никогда не считал себя достаточно могущественным, чтобы награждать, поощрять или направлять искусство, — он только собирал в свою галерею все выдающееся... с большим тактом, обходя предосудительную роль благодетеля искусства...»

Заключая письмо, Репин заявил: «<...> В преклонных годах поощрять или направлять уже вполне определившуюся личность худож-

И.Е. Репин в мастерской на фоне своей работы «Пушкин на берегу Невы». Фотография. 1900–1901. Воспр. по: Прибульская Г.И. Репин в Петербурге. Л., 1978

ПОРТРЕТЫ А.С. ПУШКИНА

К 220-ЛЕТИЮ ПОЭТА